

УДК 316.762; 17.022.1; 179.8; 179.9

*Т.Петрушина,
доктор социологических наук*

О МЕНТАЛЬНОСТИ УКРАИНСКОГО ЭТНОСА

Представлены теоретико-методологические подходы к пониманию ментальности как характеристики психологической жизни людей, определяющей специфику их мировосприятия. Используемый автором историографический метод позволил всесторонне проанализировать многообразие основных точек зрения исследователей ментальности украинского этноса, от XI века до современности, и дать цельное представление об этом крайне сложном для изучения предмете. Анализ немногих данных имеющихся отдельных эмпирических исследований подтверждает необходимость проведения специальных социологических исследований и комплексного изучения этой проблемы.

Keywords: *mentality, Ukrainian ethnos, Ukrainian character.*

Ключові слова: *ментальність, український етнос, український характер.*

Ключевые слова: *ментальность, украинский этнос, украинский характер.*

Ментальность как характеристика психологической жизни человека определяет специфику и составляет основу его мировосприятия. Она сохраняет генетический социокультурный код социальной группы, отдельного народа и человека как его представителя и тем самым отличает, выделяет его среди других. Этимология этого понятия отражает его содержание, связанное со складом мышления человека, спецификой понимания им окружаю-

щего мира^{*}. Как система взглядов, оценок, норм и умонастроений менталитет формируется на основе как конкретных знаний и верований, имеющих в данном обществе, так и архетипов коллективного бессознательного. Социокультурный “ген”, определяющий менталитет и культурную принадлежность человека к той или иной социальной группе или нации (народу), обуславливает взаимосвязь не только индивидуального и коллективного сознания, но и индивидуального и коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное находится глубоко внутри человека как отражение накопленного опыта людей и извлекается им при необходимости из его индивидуального бессознательного. Эти символические схемы коллективного бессознательного, которые К.Юнг назвал архетипами, как правило, не поддаются ни теоретическому анализу, ни осмыслению и даже не осознаются людьми, а остаются в их памяти в виде закодированной информации, закладывающей соответствующие алгоритмы социального поведения. Архетипы, выступая характеристикой социального и аккумулируя в себе опыт коллективного на уровне подсознания, имеют относительно латентный и непосредственно не проявляющийся характер. Они неуловимы и объективны одновременно. Думается, что именно они выполняют функцию сохранения и преемственности социокультурной матрицы социальной группы, общества и обуславливают известную устойчивость, консерватизм менталитета. Это те праобразы, праформы, которые заложены в самом историческом бытии культуры и рассчитаны на весь маршрут человеческой истории [1, с. 72, 73]. Нельзя не согласиться с выводом С.Крымского о том, что обращение к архетипам не означает возврата в прошлое, ибо

---

* Термин “ментальность” происходит от латинского термина логического ряда *mentalis, mens, mentis* – умственный, ум, мысль, интеллект. С английского языка “*mentality*” переводится как “ум”, “интеллект”, “склад ума”, “умонастроение” и интерпретируется как способ мышления и отношения к окружающей действительности, способ ее чувствования и осмысления.

архетипы той или иной деятельности – это опрокинутые в прошлое контуры будущего, “это культура впереди нас”. “Вот почему в Древней Греции мы, по выражению Гегеля, “чувствуем себя как дома”. Мы находим в ней начала всех форм европейской культуры”. И далее: “Юнг не случайно сравнивал их (архетипы. – Т.П.) с осями кристалла, с теми невидимыми (не эмпирическими) геометрическими параметрами, которые определяют в растворе физически зрелые кристаллические фигуры” [1, с. 74, 75].

Понятие “менталитет” как социокультурная характеристика наиболее применима к большей или меньшей социальной группе или нации, этносу в целом, а не к отдельному индивиду (хотя любой индивид является носителем того или иного менталитета). Ведь менталитет как система взглядов, представлений и установок людей характеризует социально типичное, массово проявляемое, характерное для данной социальной группы в целом и отличающее ее от других, а не исходит из характеристик, пусть и ярко выраженных, отдельных ее представителей*. Что же касается национального менталитета, то он по своей природе представляет собой “осадок” истории данного этноса [3, с. 146], выкристаллизованный на протяжении многих веков.

Исходя из принципов историзма и холизма, понимание менталитета украинского этноса невозможно без воссоздания всей цепочки происхождения современных украинцев, общей ментальной характеристики всего генеалогического древа украинского народа. Ведь прошлое, как просто и глубоко сформулировал Э.Соловьев, толкует нас [4].

---

* О глубоком различии между простой совокупностью индивидов и организованной социальной группой (социальной системой) писал еще П.Сорокин: “Характерные черты отдельных индивидов, особенно при нерепрезентативной выборке, никоим образом не являются идентичными с характерными чертами организованной группы (в данном случае - нации), и наоборот. Ведь свойства H_2O отличаются от свойств водорода и кислорода, взятых в отдельности. ... То же самое верно и по отношению к свойствам сложных социальных или культурных систем в сравнении с их компонентами – индивидами” [2, с. 464].

Наше прошлое – это в значительной степени “мы” сегодня. И потому для понимания самих себя нельзя нарушать или игнорировать ни один из наших исторических корней, нельзя вырывать или искажать ни страницы из нашей истории. Многомерность социального пространства и в настоящем, и в прошлом означает, что каждый из нас одновременно принадлежит к разным социальным и культурным системам (сообществам). Нынешний украинец остается одновременно и славянином, и малороссом, а для тех, кто вырос и жил в советские времена, еще и советским человеком, вбирая и переплавляя в себе их ментальные особенности. Поэтому для анализа современного менталитета украинского этноса важно, не вдаваясь в научные дискуссии о происхождении украинской нации, уловить наиболее принципиальные, сущностные ментальные характеристики основных его предшественников – славянских племен, русской народности в широком смысле слова, советского народа и собственно украинской нации как самобытной социокультурной ветви большого славянского древа*.

Стремясь к максимально возможной объективности в оценках украинского менталитета, при отсутствии достоверных данных целевых социологических исследований этого социального феномена, наиболее целесообразно использовать историографический метод**. Он позволяет в реферативной форме не тенденциозно или избирательно,

* Исследователь проблем происхождения украинского народа, член-корреспондент НАНУ В. Баран отмечал, что украинцы, навсегда оставаясь славянами в смысле своего происхождения от славянской семьи народов, а с конца IX столетия – славянами-русами по своей принадлежности к Киевской Руси, с целью самоидентификации постепенно восстановили название днепровских племен – антов (“окраинных”), которое со временем трансформировалось в название “Украина”, “украинский народ”. Окончательно название “Украина” утвердилось в XIX–XX веках как этноним отдельного славянского народа вместо старых названий “Русь”, “Малая Русь”, “Красная Русь”, которыми в позднем средневековье его выделяли среди других славянских народов, прежде всего восточнославянских с однокоренными названиями “Русь” – Беларусь, Великая Русь [5, с. 25].

** Под историографией в данном случае понимается совокупность исследований, посвященных определенной теме.

а всесторонне, в хронологической последовательности изложить многообразие основных имеющихся точек зрения и дать цельное общее понимание этого крайне сложного для изучения явления. Информацию о коренных жителях украинской земли, известных под названиями “скифов”, “сарматов”, “роксоланов”, “антов”, “русинов” и т.д., на основе доступных первоисточников систематизировал и изложил в своих знаменитых “Виїмках” М.Грушевский. Лишь эти, дошедшие до нас из глубин тысячелетий сведения о наших предках, взятые из письменных текстов греческих и арабских писателей, ученых и путешественников IX–X веков, могут дать нам, как писал М.Грушевский, истинное знание, свободное от субъективизма. Согласно этим источникам анты или русы были высокими, как пальмовые деревья, и необыкновенно сильными людьми. Они вели суровую и нецивилизованную жизнь, неопратно одевались и были очень грязными. Как писал арабский писатель Ибн-Фадлан, “они самые грязные создания Божьи, словно дикие онагры” [6, с. 14, 41, 48]. И хотя в своем комментарии к этим оценкам М.Грушевский указывал, что рассказы о крайней неаккуратности русов, написанные мусульманином, возможно, несколько преувеличены, отрицать этого факта он не мог. Все чужеземцы отмечали смелость и отважность русов. Однако одни из них писали, что они вовсе не злы и не коварны. Другие же, наоборот, подчеркивали звериную жестокость и коварство русов. Так, писатель Ибн-Дусте писал, что все русы слабо верят один другому и потому всегда носят с собою мечи. Коварство среди них – обычная вещь: если кому-то удастся раздобыть хоть небольшое поместье, сразу же его родной брат или товарищ начинает смотреть на него с завистью и думает как его убить или ограбить [6, с. 49]. Примечательно, что в комментарии к этой характеристике русов М.Грушевский соглашается, что эти бытовые черты наших праотцов, действительно, очень характерны. На основе древних источников украинский историк подытоживает: “В сфере психофизической в характере славян вообще и украинских племен в частности чужеземные известия отмечают, с

одной стороны, добродушие и приветливость, с другой – воинственность, свободолюбие и отсутствие солидарности и общественной дисциплины. Радужие и гостеприимство Руси, как и вообще славян, было общеизвестно, так же как и строгость семейных отношений – верность славянских жен” [7, с. 27]. Описывая привычки украинских людей, исследователь отмечал также их склонность к бражничеству и явный дуализм нрава. Наряду с поэтичностью, мягкостью и веселостью характера нашему народу были присущи и противоположные черты – жестокость и немилосердность, нередко без всякой тени жалости к людям [7, с. 28].

Генетические корни современных украинцев содержат много разных примесей, принесших в украинский генофонд различные плюсы и минусы. Так, исследователь украинской “расы” Ю.Липа выделял помимо разнообразных примесей кочевников (татар, половцев, печенегов, пр.), кельтов, римлян, норманнов, евреев и др., три основных ее источника: трипольскую культуру, понтийскую культуру эллинов и индогерманскую культуру готов. Культура трипольского или, как его назвал профессор В.Щербаковский, праукраинского народа является самой древней и охватывает новокаменный, бронзовый и начало железного века, связывая Украину с южной и отчасти Западной Европой. В антропологическом плане она на 60–70% (а, по мнению В.Щербаковского, – на все 90%) формирует украинскую психологию оседлого хлебороба – терпеливого, отважного, скромного, осторожного и целеустремленного. Трипольцы были не просто основоположниками украинских сел, распределения полей и дорог, они были основателями украинского характера. “Ибо народы-предки – это не только архитектура, могилы, обычаи, ритуалы. Это – характеры, которые кружат в крови современных украинцев...”* [8, с. 107]. Эллинов, в отличие

---

* Именно трипольцы впервые в своем ритуале соединили пшеницу и мед как символ праукраинских земель, положив начало национальному христианскому блюду украинской кухни – куте. Из матриархальных основ трипольской культуры вырастает солидарность украинцев и особая, а не просто равноправная с мужчиной роль женщины в украинской семье и обществе в целом.

от трипольцев, можно назвать создателями городов на украинских землях, торговых традиций и мореходства. Влияние эллинской духовности на формирование украинской психики огромное: отсюда берет начало стремление украинцев к личной свободе и высокая моральность их лидеров, “проводников”. Полукочевые племена с севера – готовы привнесли в характер праукраинского народа чувство сообщества и дисциплину, сформировали способность к сильной военной организации. Они же завершили и переворот в структуре украинской семьи, перейдя от матриархальных принципов к патриархальным [См. об этом подробнее: 8, с. 104–112, 160–161]. Смещение генетических и ментальных основ украинского народа завершила история монголо-татарского нашествия, о чем в своей научной статье по истории Малороссии писал Н.В.Гоголь: “И вот составился народ, по вере и по месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, – народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию – и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование” [9, с. 62].

А вот как описывал историю происхождения характера русских и украинцев исследователь начала прошлого века И.Сикорский. Объединение в антропологическом союзе финнов и славян, “двух таких несходных народностей дало расу среднюю в физическом отношении и дополнило духовный образ до степени целостности. Русский, впитав в себя финскую душу, получил через нее ту тягучесть и выдержку, ту устойчивость и силу воли, какой не доставало его предку – Славянину: а в свою очередь Финн, под влиянием славянской крови, приобрел отзывчивость, подвижность и дар инициативы” [10, с. 22]. И хотя И.Сикорский признавал, что типы “малорусса” и “великорусса”

отличаются между собой в том отношении, что у “малорусса” в меньшей мере проявились финские корни и в большей мере сохранились природный славянский ум и чувства (отсюда – более идеальный, более поэтический, чувствительный и склонный к внутреннему анализу характер “малорусса” и более деятельный и практичный характер “великорусса”), он утверждал, что “украинцы ничем антропологически не отличаются от русского населения” [10, с. 13] и имеют сходные психологические черты. К основным особенностям русской этнической психологии, одинаково свойственным и “великоруссам”, и белоруссам, и южноруссам, он относил идеализм воззрений и жизни, общеизвестную славянскую грусть и задушевность, веру, знаменитое русское гостеприимство* и терпимость. Отличие между великорусским и южнорусским народами ученый видел лишь по политическому пункту: в слабо проявленных, на его взгляд, государственных тенденциях южноруссов [10, с. 30–31], на основании чего он возражал против идеи М.Грушевского о выделении украинцев из состава русского населения.

С позиций сегодняшнего дня очевидна правота обоих ученых. В широком смысле слова русские и украинцы (как представители русских народностей, проживавших на территории Великой и Малой Руси), безусловно, имеют несравнимо больше схожего, чем отличий, что прочно увековечено и в общем историческом имени, “Русь”, и в крови, и в менталитете наших народов. Вместе с тем эти родственные по своему характеру народы имеют и ряд важных (но не абсолютных!) отличий, естественно, способствующих все большему вычленению собственной специфики

---

* Причем здесь гостеприимство – это не “проявление движения общественной собственности”, присущее первобытным народам, о котором писал Н.Зибер, а глубинная ментальная характеристика всего русского народа.

** Малороссы, или южноруссы, как указано в энциклопедическом словаре Ф.Брокгауза и И.Ефрона, – одна из трех русских народностей, которая первоначально сложилась, по-видимому в Галиции и на Волыни, и отчетливо проявилась с особенностями своего языка уже в XIV веке. В физическом

украинской нации из общего славянского древа^{**}. Что касается общности ментальных качеств, то нельзя не согласиться с характеристикой основных черт русской нации (русской народности, понимаемой в широком смысле), свойственной всем ее представителям, данной П.Сорокиным и Н.Лосским. П.Сорокин, подчеркивая глубокую религиозность русской культурной системы, полагал, что основные черты русского сознания и культуры, вся система ценностей русского народа представляет собой идеологическое, поведенческое и материальное воплощение христианской религии [2, с. 483]. Помимо сравнительно длительного существования и достижения необычайного развития в течении жизни русской нации, он среди основных ее черт отмечал огромную жизнеспособность и замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и сохранения нации [2, с. 472]. На эту исключительную способность русских к активным и энергичным действиям, вплоть до самопожертвования, или пассионарность, неоднократно указывал в своих работах социальный философ и этнолог Л.Гумилев. Об особой религиозности русского народа^{*}, его стремлении к Царству Божию, поиске “сверхземного абсолютного добра” и смысла жизни пи-

---

отношении малороссы представляют, в общем, отличие от белорусов и великороссов средней России и по росту (они более рослые), и по цвету волос, кожи и глаз (среди них больше темноволосых, смуглокожих и темноглазых), и по форме головы и лица. Антропологические различия проявляются и в костюме, и в облике поселений, а отчасти, и в темпераменте и в характере, на которые, безусловно, оказывали влияние и окружающая природа, и весь ход истории. В целом малороссы отличаются от великороссов многим и чертами своего умственного и нравственного склада, своим отношением к религии, женщине, семье, собственности и т.д. [11, с. 484-485].

* Идеалом русского народа стала не могучая, не богатая, а “Святая Русь” [12, с. 36] — понятие, в котором воедино сплелись религиозность и высокая духовность русских людей.

сал и Н.Лосский. Помимо этого, к числу первичных основных свойств русского народа он относил могучую силу воли и страстность многих русских людей*.

Как писал Н.Лосский, “русский максимализм и экстремизм в его крайней форме выражены в стихотворении А.К.Толстого. Наряду с этими достойными качествами Н.Лосский признавал и встречающуюся среди русских людей леность и пассивность – эту хорошо известную “обломовщину”, выражающуюся “в небрежности, неточности, неряшливости, опаздывании на собрания, в театр, на условленные встречи” [12, с. 47]. И хотя “недостатков много у русского народа, но сила его воли в борьбе с ними способна преодолевать их” [12, с. 47]. “К числу первичных свойств русского народа, вместе с религиозностью, исканием абсолютного добра и силой воли, принадлежит любовь к свободе и высшее выражение ее – свобода духа...”** [12, с. 47]. Из этих ментальных глубин вырастает признание высокой ценности всякой личности [12, с. 52] и доброта как преобладающая черта характера русского народа, от-

---

* Как писал Н.Лосский, “русский максимализм и экстремизм в его крайней форме выражены в стихотворении А.К.Толстого.

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж с плеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль просить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!” [12, с. 45].

** “Вследствие свободного искания правды русским людям трудно столкнуться друг с другом... В организациях, основанных для какого-либо дела, легко возникают расколы, образуется несколько партий, кружков, в политических партиях несколько фракций...” [12, с. 47–48]. Перечитывая этот и сегодня актуальный вывод Н.Лосского, невольно хочется перефразировать известную фразу из украинской киноклассики “Все преходящее, а музыка вечная”. Меняются (и притом радикально!) социально-экономические и политические системы, все устои социальной жизни, а наш менталитет, стереотипы поведения и мировосприятия остаются практически неизменными.

крытость души и легкость общения с людьми [12, с. 56–58]. Достаточно подробную сравнительную характеристику южноруссов (русинов) и великороссов (москалей) на основе личного наблюдения и анализа дали украинские историки прошлого Н.Костомаров и В.Антонович*.

Описывая характер южнорусса, Н.Костомаров подчеркивал, что “народ южнорусский – глубоко религиозный народ, в самом обширном смысле этого слова”, с сильно развитым чувством всеприсутствия Божия [15, с. 59, 58]. С незапамятных времен южноруссы проявляли терпимость к другой вере и племенам. Они не мстительны, но злопамятны [15, с. 47, 48], стремятся к обособлению в семейной жизни. “Опека родителей над взрослыми детьми кажется для южнорусса несносным деспотизмом. ...чтоб сохранить любовь и согласие между близкими родственниками, надобно им разойтись и как можно меньше иметь общего” [15, с. 62]. “Южнорусс тогда почтительный сын, когда родители оставляют ему полную свободу и сами на старости лет подчиняются его воле, тогда добрый брат, когда с братом живет как сосед, как товарищ, не имея ничего общего, нераздельного. Правило: каждому свое – соблюдается в семействах...” [15, с. 63]. Стремление южнорусса к обособлению, по Н.Костомарову, проявляется и в социальных отношениях. “Не смей ничего назвать своим, быть батраком какого-то отвлеченного понятия о мире,

---

* Ради чистоты научных оценок необходимо отметить принципиальные расхождения взглядов этих ученых на историю происхождения и характер родства украинского и русского народов. Если Н.Костомаров, признавая их сходство и различия, считал их не просто родственными, а двумя русскими народностями, то В.Антонович разделял убеждения украинофилов, считавших, что южнорусский народ представляет собой “ясно выделяющуюся этнографическую единицу, о тождественности которой с народонаселением великорусским, белорусским ... и т.п. “ говорить неправомерно. Они имеют не только отличные, но и нередко ярко контрастные черты антропологического, филологического, культурно-исторического и, главное, психологического, духовного характера [13, с. 144]. В.Антонович рассматривал три родственных славянских нации: русинов, великороссов (или москалей) и поляков как три отличных народных национальных типа [14, с. 93].

отвечать за другого без собственного желания – ко всему этому не располагала народ южнорусский его прошедшая жизнь. Громада по южнорусскому понятию совсем не то, что мир по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей... По народному понятию каждый член громады есть сам по себе независимая личность, самобытный собственник; обязанность его к громаде только в сфере тех отношений, которые устанавливают связь между ее членами для взаимной безопасности и выгод каждого...” [15, с. 63]. Этот перевес личной свободы, личности над общинностью отличал, по мнению ученого, южнорусский характер от великорусского и порождал развитие личного произвола, неопределенность форм, непостоянство, недостаток ясной цели, порывчатость движений, стремление к созданию и одновременное разложение созданного [15, с. 50, 29]. В отличие от практических, склонных к материализму великоруссов, у южноруссов, по Н. Костомарову, больше проявлялась духовная сторона жизни (это – один из примеров весьма не бесспорных суждений ученого). В их поэтической натуре не было, на его взгляд, ни холодной расчетливости, ни политики, ни твердости на пути к предназначенной цели [15, с. 51, 30]. Вместе с тем Н.Костомаров считал несправедливым упрек южноруссов в лениности. Он утверждал, что по своей природе “малорусс” трудолюбивее “великорусса”, а убеждение, распространенное в высшем классе о том, что малороссы – народ ленивый, без искренности и чувства привязанности, обусловлено тем, что барские работы всегда исполнялись без желания [15, с. 67, 68]. При этом историк честно признавал, что, говоря о различии двух русских народностей, под которыми он понимал малороссов и великороссов, очень может быть, он и сам во многом ошибся [15, с. 68].

Стремление к объективному описанию украинского менталитета требует сопоставления и беспристрастного анализа оценок разных ученых. Так, основоположник киевской исторической школы В.Антонович характеризовал русинов как людей нелюбезных, неискренних, которым,

однако, присуще чувство юмора и смиренность, кротость. По мнению этого историка, русины по многим параметрам жизни отличаются от москалей и поляков: по характеру семейных связей, по отношениям дружбы/вражды, по принципу организации различных ассоциаций, по отношению к вере, по цели жизнедеятельности, по политическому идеалу и даже по форме драки. Если для поляка в драке важна прежде всего удобная позиция – ударить противника, а самому выскользнуть, для москаля характерна жестокость, то для русина сама ситуация “*взяв мене за груди*” уже есть большая обида. В.Антонович считал, что русины трудно братаются, а в дружбе никогда не заходят за определенную черту близости, вражда же у них, как и у поляков, длительная, но не лютая. Семьи русинов отличаются малочисленностью и специфическим характером внутрисемейных отношений: родители нередко занимают позицию стороннего наблюдателя – даже когда все хорошо видят, делают вид, что ничего не понимают и не замечают. Уважительное отношение к чужой вере у русинов сочетается с искренним и теплым собственным религиозным чувством и безразличием к форме обрядов. Украинские ассоциации отличаются от русских малочисленностью и равноправием ее членов [14, с. 95, 96]. Гражданское равноправие и правда являются характерным для русинов политическим идеалом, тесно связанным с их пониманием жизненной цели и критерием этичности. Если для москаля, по В.Антоновичу, главным в жизни является приобретение богатства, силы и власти, то для русина – развитие личности, внутреннее сознание свободы, истины и справедливости [13, с. 148]. Именно справедливость, по мнению этого историка, является для украинца критерием этичности. С рядом характеристик украинцев В.Антоновича можно вполне согласиться; вместе с тем оценка их жизненной цели, сформулированный критерий этичности весьма сомнительны и нуждаются в соответствующем эмпирическом и аналитическом обосновании.

Как показал проведенный анализ, многие из характеристик “малоруссов” совпадают между собой, что подчеркивает их объективность и важность. Так, Я.Руднев еще столетие назад писал, что если присмотреться повнимательнее к “малороссу”, являющемуся родным братом “великоруса”, то не только в его быте и языке, но и в наружности и даже характере можно подметить некоторые особенности, отличающие его от него. Малороссы отличаются известной медлительностью, неповоротливостью, скрытностью, молчаливостью*. Им присущи народный юмор, любовь к изящному, поэтическое чувство, способности к музыке и пению. “Малороссы” так же глубоко, как и “великоруссы”, чтят церковные уставы и православную веру, но в отличие от последних не придают большого значения внешней,

---

* “Работают они не спеша, без разговоров и песен, сосредотачиваясь на одном каком-нибудь деле. Спросите о чем-нибудь малоросса, и он ответит вам не сразу, как бы нехотя. Откровенностью и любопытством малоросс не отличается. Он не выболтает первому встречному всю подноготную, на самые обыкновенные вопросы ответит “кто его знает?”, т.е. не знаю, да и действительно часть не знает, что у него делается под боком. ...малоросс на первом месте ставит личную самостоятельность и независимость, любит жить сам по себе, только в своей семье и его мало интересует, как живут другие. Поговорка — “моя хата скраю, я ничего не знаю” — как нельзя лучше подходит к малороссам” [16, с. 20].

** “Малорус набожен, чтит веру и уставы церковные. Нрава он доброго, спокойного, медлен, ленив. Наблюдается в его характере и мстительность, но это уже наследие польского ига. От природы очень умный, он проявляет и хитрость; но ум его и вся хитрость не направлены на ту расчетливость и сметливость в отношении средств зашибать копейку, на которую направлены у великоруса, жителя севера, холодного климата, неплодородной почвы, с его промышленным духом. Характерной чертой малоруса служит врожденная ему насмешливость, не покидающая его и в самые тяжелые минуты.” [17, с. 19–20]. “Все они (русины. — Авт.) стройного, крепкого сложения, дюжий, закаленный народ; вместе с тем они добродушны, робки, услужливы, гостеприимны, обладают в высшей степени любовью к природе, отличаются крепкими семейными чувствами, очень склонны к музыке, большие любители танцев и различных песен, которыми они сопровождают все свои работы и различные обряды. При всей своей незавидной жизни под гнетом немцев, евреев, поляков, они очень любят наряжаться в яркие цвета и украшают свою одежду различными вышивками, блестящими пуговицами, цветами, перьями” [18, с. 11].

обрядовой стороне религии [16, с. 20, 22, 23]**. Свою специфику имеет и малороссийская семья. Во-первых, малороссы любят жить, как уже отмечалось, ни от кого не завися, даже от отца с матерью, а, во-вторых, в отличие от великорусской в малорусской семье “жінка” занимает очень высокое положение и мужчина – “чоловік”, признавая за женщиной такие качества, как ум, сообразительность, находчивость, беспрекословно подчиняется ее влиянию.

Вопрос о роли женщины в украинской семье вообще заслуживает особого внимания, т.к. позволяет глубже осмыслить базовые особенности украинской ментальности. Как писал Ю.Липа, чтобы понять своеобразное содержание украинской артели, необходимо понять дух украинской семьи, а это невозможно сделать без характеристики роли женщины в семье. Для этого необходимо вспомнить начала начал, первоисточники духовной истории украинского народа – трипольскую матриархальную культуру. Даже после утверждения патриархальной системы в Украине матриархат, пусть и не в главенствующей форме, остался навсегда укорененным в украинской психике. Женщина в Украине не только была равноправна с мужчиной, не только находилась в центре духовности украинской семьи, но и вошла в мифологический архетип Богини-Матери (“Магна-Матер”). Как указывал один из исследователей украинского менталитета О.Киричук, архетип “Магна-Матери”, связанный с культом Великой Богини и возникший еще в трипольские времена, существовал до начала XX в., слившись затем с культом Богородицы [19, с. 16–17]. Особое отношение к женщине и ее социальным функциям запечатлено в мировоззрении украинского народа в образах Украины-матери, матери-Земли, матери-природы. Мать всегда играла основную роль в семье в воспитании детей, в привитии им таких качеств, как мягкость, доброта, сердечность. Не из этих ли, как пишет И.Полищук, преимущественно женских подходов к воспитанию и формированию характера и прежде всего кордоцентричности, эмоциональности возникает в украинском ментали-

тете преобладание чувств над разумом, сентиментальность, чрезмерная чувствительность, определенная непоследовательность, нехватка воли, известный анархизм и т.п. [20, с. 91]. Естественно, что эта попытка ретроспективного анализа исторически длительного процесса формирования украинского характера должна быть дополнена данными современных социологических исследований, единственно позволяющих отследить произошедшие изменения и оценить сегодняшнее состояние и особенности менталитета украинцев.

Прежде чем переходить к более современным оценкам украинской ментальности, нельзя не упомянуть о некоторых весьма неприятных негативных чертах, проявлявшихся, по мнению ряда авторов, в жизни простого люда на рубеже XIX–XX в.: “непроходимое невежество и суеверие, закоренелая грубость некоторых вредных обычаев и предрассудков, полное отсутствие человеческого достоинства и самоуважения, обман, воровство, сквернословие, и наконец, повсеместное пьянство – самый капитальный порок нашего народа” [21, с. 6–7]. Таковы основные “плюсы” и “минусы” характера и образа жизни украинского народа, с которыми он вошел в XX в.

Безусловно, неприятно говорить о негативных сторонах характера народа, к которому ты сам принадлежишь. Неслучайно, по данным П.Гнатенко, современного исследователя украинского национального характера, 85% опрошенных им респондентов считают, что этносу, к которому они принадлежат, отрицательные черты национального характера не присущи [22, с. 43]. Хотя вполне естественно, что в менталитете и характере любого народа есть как положительные, так и отрицательные черты. И важно не игнорировать или скрывать последние под маской лжепатриотизма, а, наоборот, честно выявлять и работать с ними, направляя всю систему воспитания и образования на развитие всего позитивного и достойного, с одной стороны, и постепенное уменьшение, сокраще-

ние проявлений имеющихся негативов – с другой стороны (ибо уничтожить врожденные качества крайне трудно, если не невозможно)*. Поэтому действительно выдающиеся представители украинской науки и культуры, которые искренне любили свой народ и свою Родину, – Т.Шевченко, И.Франко**, М.Грушевский, В.Липинский, Е.Маланюк, П.Кулиш, А.Довженко и др. – резко осуждали то темное, что было в нашей истории, и те недостатки национального характера, которые, по словам историка В.Базилевского, не раз играли фатальную роль в судьбе украинства. Как справедливо утверждает этот ученый, правда не перестает быть правдой оттого, что на нее

---

* Еще В.Антонович писал, что народный характер состоит из качеств унаследованных и приобретенных культурой. В характере каждого народа есть качества как желаемые, так и не желаемые, как позитивные, так и негативные. Никакая культура не в сила уничтожить унаследованные качества, но цель всякой культуры должна быть в том, чтобы влиять на характер народа, развивая желаемые, позитивные качества и отводя соответствующее место качествам нежелательным, негативным [14, с. 101].

** В своей статье “Дещо про себе самого” И.Франко писал, что он, сын украинского селянина, вскормленный черным селянским хлебом, трудом селянских рук, не любит русинов потому, что среди них он нашел очень мало настоящих характеров и очень много второстепенного (незначимого), узкого эгоизма, двуличности и тщеславия (заснайства) [тщеславия]. Кроме этого “греха”, И.Франко с болью признавался в еще большем: “даже нашу Русь не люблю так и в такой мере, как это делают или делают вид, что делают, патентованные патриоты. Что в ней должен любить? Чтобы любить ее географическое понятие, для этого я слишком большой враг пустых фраз, много видел я в мире, чтобы убеждать (утверждать, уверять), что нигде нет такой красивой природы, как на Руси. Чтобы любить ее историю, для этого слишком хорошо ее знаю, слишком горячо люблю общечеловеческие идеалы справедливости, братства и воли, чтобы не чувствовать, как мало в истории Руси примеров настоящего гражданского духа, настоящего самопожертвования, настоящей любви. Нет, любить эту историю очень тяжело, потому что почти на каждом шагу нужно разве что плакать над ней. Или должен любить Русь как расу – эту расу тяжелую (отяжелевшую), грубую, сентиментальную, лишенную закалки и силы воли, так мало способную к политической жизни на собственном мусорнике, но такую плодотворную на перевертышей самого разнообразного сорта?” [23, с. 271–272].

закрывают глаза, а без мужества правду назвать правдой, а ложь – ложью, без надежного фундамента национальной самокритики Украину как страну не построить [24, с. 117, 107, 134]. Гордясь всем достойным и прекрасным в истории и характере нашего народа, необходимо откровенно признавать и его пороки, нередко переходящие из поколения в поколение: низкий уровень общечеловеческой культуры, эгоизм, двуличие, комплекс малоценности (“меншовартості”), не единичные случаи предательства как своих идей, так и интересов народа*.

В целом же украинский менталитет и народный характер, как и любой другой национальный характер, диалектически противоречив. В нем уживаются воедино любовь к прекрасному и невежество**, трудолюбие и лень, стрем-

---

* Вместо примеров – несколько цитат из украинской поэзии:

“Кожен українець – це троїсті музики:

Одне – думає, друге – каже, третє – робить,

Від того у нас результат великий,

Що перший – спородить, то третій точно угробить” (І.Драч);

“Розломлять. Підгризуть. Як миша, як полівка.

Всі хочуть булави, всі борються за владу.

Та й буде голова – як макова голівка.

Отак поторохтять і знову хтось продасть.

Не той, так той. Там зрада, там злодійство” (Л.Костенко) [Цит. по: 24, с. 117, 125–126].

** Эта противоречивость украинского менталитета отражает не только дихотомичность сознания народа, но и противоречивость его бытия, в котором богатство природы сосуществует с поразительно низким уровнем жизни большинства людей. Не случайно М.Грушевский, сравнивая культуру красоты и культуру жизни нашего народа и признавая крайне низкий уровень экономического развития Украины начала XX века, писал, что хотя мы и привыкли считать песни и музыку своим наибольшим национальным богатством, культура красоты может стать украшением благосостояния людей только на соответствующей экономической базе державы, иначе она останется яркой латкой на убогих лохмотьях талантливой “безштанька” [25, с. 152, 157].

*** Как писал представитель украинской научной диаспоры М.Ломацкий, мы на каждом шагу нашей истории встречаем проявления двух противоположных тенденций: с одной стороны, высокую национальную сознательность, героизм, жертвенность и преданность родине, а с другой – полную потерю этой сознательности, равнодушие к национальным интересам, отступничество, предательство и пр., что неоднократно приносило много бед и несчастий нашему народу [26, с. 14].

ление к свободе и справедливости и рабская психология покорности и т.д.^{***}. При оценке характера и менталитета людей важно объективно взвесить, что является доминирующим и типичным для большинства населения, что способствует (или препятствует) проявлению той или иной грани. Интуитивно-аналитические методы анализа должны быть дополнены эмпирическими данными, статистическим анализом проявления тех или иных черт национального характера, а иначе, как справедливо подчеркивают авторы энциклопедии этнокультурознания, рассуждения о “сердечности”, “романтичности”, “эмоциональности” украинской души и т.п. так и останутся на уровне поэтических выводов [27, с. 29]. Пока же таких исследований нет, приходится исходить из имеющихся характеристик украинского национального характера, сделанных разными учеными в разное время на основе их личного наблюдения и анализа.

Особый интерес в этом отношении представляет анализ украинского национального характера, сделанный Н.Григориевым, ученым украинской диаспоры, обобщившим в середине прошлого века выводы многих исследователей характера украинского народа [28]. К основным чертам украинского характера он относил следующие: медлительность, в т.ч. мышления, вялость до лени, неэнергичность, апатичность и безынициативность, осторожность и упрямство, смиренность и покорность, пристрастие к выпивке.

---

* К примеру, И.Гончаренко именно чувственность рассматривал в качестве первой и самой главной черты украинской души. Он полагал, что она имеет как позитивные, так и негативные свои проявления. Среди благородных проявлений чувственной природы украинского народа И.Гончаренко кроме глубокой религиозности народа, эстетизма, чувства красоты в природном окружении, быту и поведении людей, любви к природе, отмечал также чувство чести, которое проявляется в отстаивании правды и справедливости, в добросовестном исполнении долга, верности данному слову и т.д. К главным негативным проявлениям чувственности он относил черствый эгоизм, вражду, неприязнь, ненависть, зависть, жадность, жестокость, высокомерие и кроме того, чувство малозначимости — новообразование в нашей психике, появившееся в XIX–XX вв. из-за угнетения поляков и москалей, которые свое национальное возвеличивали, а украинское принижали [29, с. 40, 41, 42,43].

Основой украинского характера ученый, как и многие другие, считал ощущения, чувства*. Они порождают мечтательность, эстетизм, лиричность и поэтичность украинской природы, проявляются в склонности народа к поэтическому творчеству и музыкальности, некоторой меланхоличности и тоскливости (вплоть до плаксивости)*. Несмотря на видимую мягкость и смиренность характера украинский народ демонстрирует далеко не слабую волю**. Об относительной слабости волевой составляющей украинского характера можно говорить лишь в сравнении с чрезмерно выраженной чувственной стороной. Что касается умственных способностей, существуют, как указывает Н. Григориев, разные точки зрения. Одни считают, что украинцы малоинтеллектуальны и не отличаются быстротой мышления, другие отмечают, что, несмотря на медлительность, они обладают острым и глубоким умом***. Их мировоззрение в своей основе идеалистично, хотя и имеет практическую нацеленность. Несмотря на определенный консерватизм украинского характера, ряд его черт со временем эволюционируют. Так, усиливается рационалистическое начало мировоззрения, постепенно уходит излишняя мягкость характера, а возрастает настойчивость и выдержка, крепнет воля, увеличивается активность и инициативность людей.

Многие ученые, подчеркивал Н. Григориев, отмечали политическую пассивность украинского народа (“Украинцы не любят политики”). При этом они, как правило, вы-

---

* Украинский поэт начала XX в. В. Пачовский писал, что украинцам как народу присущ высокий идеализм, большая печаль, смех сквозь слезы и мягкость в чувствах [30, с. 4].

** Об этом можно судить и по лучшим представителям украинского народа – Б. Хмельницкому, Г. Сковороде, Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинке – людям исключительно сильной воли [29, с. 45].

*** По мнению В. Антоновича, украинцы проявляют способности к гуманитарным наукам – праву, истории культуры, литературе, политической экономике и др. Они склонны к анализу и скептицизму (“Это дело надо разжевать”) и проявляют осторожность ко всяким теориям а priori [14, с. 101].

соко оценивали его этичность. Моральность, милосердие, гостеприимство и приветливость украинцев не подлежат сомнению. А вот об искренности и откровенности украинского характера, как указывал исследователь, можно говорить лишь относительно. Видимо эта скрытность и застенчивость украинской души идет из глубины веков, как ответ на непростые исторические условия выживания украинского народа под гнетом бесчисленных его поработителей. Наряду с такими качествами, как этичность и моральность украинцев, по мнению Н.Григориева, отличает также трудолюбие*. Еще один принципиальный вывод, который на основе обобщения разных взглядов делает Н.Григориев о менталитете украинского народа, касается проявления в нем индивидуалистических и коллективистских начал. Он считает (как мне кажется, весьма взвешенно и объективно), что стремление к коллективизму присуще украинцам в такой же мере, как и к индивидуальности [28, с. 15–16, 52–55]. Хотя ряд ученых, в т.ч. Д.Чижевский, считали и считают индивидуализм (и стремление к свободе) одной из основных черт украинского национального характера наряду с его безусловным эмоционализмом, сентиментализмом, чувственностью и лиризмом [31, с. 17].

Опираясь на социально-психологические и культурологические работы Н.Костомарова, М.Грушевского, В.Липинского, Д.Чижевского и др., современный украинский исследователь А.Киричук предложил в качестве системообразующих признаков менталитета украинского народа рассматривать следующие его четыре характеристики: 1) интроверсивность высших психических функций в вос-

---

* Хотя по мнению других исследователей, для украинцев более характерна лень, нежели трудолюбие и активная деятельность. По оценке того же В.Пачовского, украинец – теоретик, непредприимчивый, ленивый и добродушный, мягкий характером, под влиянием жены замыкается в своем семейном кругу, он – хороший отец, но как народная единица – лодырь, бездельник, лентяй [30, с. 6].

приятности окружающей действительности; 2) кордоцентричность, проявляющуюся в сентиментализме, чувственности, любви к природе и эстетизме народной жизни; 3) анархический индивидуализм, который проявляется в разных формах партикулярного стремления к личной свободе, без должного устремления к государственности; 4) преобладание эмоционального, чувственного над волей и интеллектом [19, с. 11].

Вслед за А.Киричуком этот подход к оценке украинского менталитета взяли на вооружение и повторяют в той или иной вариации многие современные исследователи. Думается, что относительно бесспорными в качестве системообразующих признаков украинского менталитета являются только интровертированность и кордоцентричность психики украинцев. Преобладание эмоционального над интеллектом и волей слишком тесно связано с кордоцентричностью, чтобы выделять эту характеристику как отдельную. А утверждение об индивидуализме как характерной черте украинской ментальности (а тем более с эпитетом “анархичный”) вообще весьма спорно и требует обоснованных доказательств.

Наиболее полный анализ ментальности украинского общества на сегодняшний день предпринят отечественными исследователями Е.Донченко и Ю.Романенко. Используя метод архетипов, они рассмотрели глубинные особенности психосоциальной эволюции в целом и украинского социума в частности, что позволило выделить пять, на их взгляд, основных характеристик украинского менталитета: индивидуализм (антидержавный, зоологический индивидуализм самозамкнутости), исполнительность (преобладание репродуктивно-воспроизводственного, традиционного, а не творческого начала; исполнительская активность, центрация на деталях в ущерб стратегическим интересам; неспособность к самодетерминации), интровертированность, эмоционально-эстетическую доминанту и толерантность [32]. Нельзя не согласиться с авторами, что эти ментальные

особенности в значительной степени регулируют социально-политическую жизнь нашего социума.

Следует отметить, что в последнее время появилось несколько новых исследований, посвященных анализу ментальности украинского населения. В частности, по результатам исследований Э.Афонины, стали доступными эмпирические данные о таких социально-политических характеристиках украинского общества, как экстраверсивность / интроверсивность, эмоциональность / прагматичность, иррациональность / рациональность, интуитивность / сенсорность, экстернальность / интернальность и исполнительность / интенциональность*. Под руководством Н.Победы были проведены мониторинговые исследования ментальности жителей южного региона Украины (в

---

* Речь идет об исследовании, проведенном в апреле–мае 2005 года кафедрой политологии совместно с Институтом повышения квалификации руководящих кадров Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. Методом анкетного интервьюирования было опрошено 439 респондентов представляющих все области Украины, в том числе: 399 мужчин (91,3%) и 38 женщин (8,7%) в возрасте от 24 до 59 лет, 394 с полным (90,8%) и 20 с базовым (4,6%) высшим образованием, 16 – с ученой степенью (3,7%). Социально-психологические характеристики общества были рассчитаны по специальной психодиагностической экспресс-методике, разработанной под руководством Л.Бурлачука. Получены следующие результаты. По шкале экстраверсия / интроверсия, характеризующей склонность индивида к восприятию явлений внешнего / внутреннего мира, 27,9% опрошенных выявили склонность к интроверсии, 19,3% – к экстраверсии, 52,8% – амбивалентны. По шкале эмоциональность / прагматичность прагматичными являются 20,8% респондентов, эмоциональными – 14,6%, амбивалентными – 64,6%. По шкале иррациональность / рациональность к рациональным относятся 26,4% опрошенных граждан, к иррациональным – 12,2%, к амбивалентным – 61,4%. По шкале интуитивность / сенсорность, отражающей абстрактно-логический или конкретно-чувственный способ мировосприятия, 12,9% населения отличает сенсорность, 8,1% – интуитивность, 79,1% – амбивалентность этих характеристик. По шкале экстернальность / интернальность, фиксирующей склонность индивида приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним или внутренним силам, интернальность свойственна 22,5% респондентов, экстернальность – 7,8%, амбивалентность – 69,7%. По гендерной шкале исполнительности / интенциональности, отражающей традиционно понимаемые особенности ролевого поведения женщины и мужчины, для 17,4% свойственна интенциональность, для 12,1% – исполнительность, для 70,5% – амбивалентность.

1996 г. было опрошено 575 человек, в 2002 г. – 600 человек; выборка была репрезентативна по полу, возрасту, образованию и этнической принадлежности). Их результаты позволили выявить устойчивые структуры в системе ценностей (“активно-творческие” – активная деятельная жизнь, общественная активность, творчество; “традиционные” – мирная обстановка в стране, чувство долга, хорошие верные друзья; “субъектные” – свобода, самостоятельность, уверенность в себе; “статусно-гедонистические” – стремление к власти, удовольствия, материальная обеспеченность), зафиксировать значимые личностные качества (выносливость, бережливость, индивидуализм, гибкость и политическая инертность, пассивность) и стереотипы жизненных позиций (недоверие к чужому опыту, стремление пройти весь путь самостоятельно, настороженность ко всему новому и непривычному), а также сделать вывод о сдвиге в ценностной системе населения южного региона за годы рыночных реформ в сторону утилитаризма и прагматизма [33].

В декабре 2006 г. в рамках Интернет-конференции “Россия: варианты институционального развития” появился доклад украинской исследовательницы Т.Гайдай, в котором она выделила, несмотря на собственное признание отсутствия специальных количественных исследований, ряд определяющих элементов экономической ментальности украинской нации: индивидуализм, стремление к экономической самостоятельности, независимости (хуторской тип психологии), антиавторитаризм (тяготение к демократическим ценностям), антиэтатизм (стремление полагаться на себя, а не на государство), стремление к достатку, национальное трудолюбие, склонность к эстетизации труда и быта [34]. По мнению Т.Гайдай, украинская ментальность исторически предрасположена в большей мере, чем российская, к восприятию рыночных форм хозяйствования и более тяготеет к европейской (восточноевропейской) ментальности. Единственное, чего недостает, на ее взгляд, украинскому национальному характеру, – маскулинности в связи с преобладанием в

нем женского начала (зависимости, неактивности, стремления найти опору вовне). Однако достоверные эмпирические доказательства таких утверждений на сегодняшний день отсутствуют, на что справедливо указали и наши российские коллеги – специалисты в области экономической ментальности, в качестве примеров приведя противоречащие друг другу результаты всего трех имеющихся, в том числе сомнительного с точки зрения социологической грамотности качества, эмпирических исследований [35].

Завершая обзор научной аналитики о менталитете украинского этноса, следует сказать и о том, каким видится украинский характер современным ученым из-за рубежа. Так, И.Мороз определяет черты “материковых украинцев” следующим образом:

- неопределенность при формулировании цели, задач, позиций, даже при назначении деловой встречи;
- преобладание представлений и фантазий, а не реальной действительности;
- избегание ответственности;
- доминирование сельской ментальности (даже у горожан): стремление жить короткими циклами;
- чувство изолированности – нечеткость общих интересов с социумом;
- раболепие перед начальством (властью) и, как следствие, взяточничество, коррупция;
- слабость чувства государственности: сделали независимую державу, но не умеют ни упорядочить, ни защитить ее интересы;
- покорность и терпимость – люди не умеют заявлять про свои права и отстаивать их;

---

* Как пишет С.Злупко, и сегодня наши люди, вместо того, чтобы действовать конструктивно и настойчиво, прежде всего в экономической сфере, оглядываются на внешние силы и помощь, постоянно на кого-то жалуются, оправдывая тем самым собственную мешковатость, угловатость, неуклюжесть. Хотя тот, кто хоть немного знаком с нашим прошлым, знает, что такое поведение было присуще украинцам и раньше. Достаточно в этом плане вспомнить характеристики поведения наших селян, данные И.Франко во время и после отмены панщины в 1848 г. в Галичине. Когда те получили свободу, долго не могли ею правильно воспользоваться, а некоторые из них оказались настолько беспомощными в новых условиях, что готовы были вернуться назад в панское подданство [37, с. 339].

➤ нехватка глобального мышления, целей и стратегий – сознание “короткого времени и малого пространства” [36, с. 26–27]*.

Независимо от согласия или несогласия с теми или иными характеристиками украинского народа, представленный этим зарубежным ученым портрет материкового украинца является чисто субъективной оценкой, также не имеющей под собой эмпирических доказательств и обоснований, что лишний раз подтверждает необходимость проведения специальных социологических исследований и комплексного изучения этой проблемы.

Принципиальным моментом при общей оценке ментальности украинского народа является ответ на вопрос, к чему тяготеет менталитет украинского этноса, этого самого сложного, по словам Ю.Липы, среди других народов между Балтией и Уралом характера [8, с. 161] – к западному или восточному, европейскому или азиатскому? Большинство ученых, отвечая на этот вопрос, хотя и пишут о переплетении и столкновении в украинском характере обоих ментальных начал, как правило, подчеркивают преимущественно западный, европейский характер украинского народа*. Однако, на мой взгляд, следуя принципу относительности и даже соглашаясь в определенной степени с мнением о более западных ментальных особенностях украинцев по сравнению с россиянами, нельзя забывать, что между Восточной и Западной Европой, Восточной Европой и Украиной была и остается четкая культурная

---

* М. Грушевский писал, что в сравнении с народом великорусским украинский является народом западной культуры, одним из наиболее богатых восточными, ориентальными влияниями, но по всему складу своей культуры и своего духа все-таки народом западным [25, с. 141]. И. Лисяк-Рудницкий, признавая присутствие сильных незападных элементов в украинском национальном типе, утверждал существенно западный, т.е. европейский характер Украины [38, с. 512]. О западном мировоззрении украинцев, опирающемся на индивидуалистическое сознание и личностное “я”, в отличие от россиян, писал и И. Мирчук [39, с. 13]. Д. Чижевский вообще рассматривал Украину как органическую часть европейской культурной целостности [40, с. 9].

граница. Этот факт обусловлен многими причинами исторического и цивилизационного порядка и нашел свое отражение на уровне как теоретического, так и обыденного сознания. Так, авторы монографического исследования “Цивилизационные модели современности и их исторические корни”, всесторонне анализируя восточный и западный пути развития человечества, раскрывая различия между сложившимися цивилизациями, в т.ч. между Западной и Дальневосточной, так и не пришли к единому выводу, к какому миру следует относить Украину. “Вхождение Украины и Белоруссии в состав католической (в лице своей правящей верхушки) Речи Посполитой, даже гибридизация православия и католицизма в унитарной форме ни в коей степени не позволяют относить их (не говоря уже о России) к Западному миру в цивилизационном его понимании” [41, с. 218]. Наиболее адекватное реальному содержанию украинского менталитета понимание его “геополитической” сущности фиксирует массовое сознание. По данным экспертного опроса*, четверть респондентов (25,0%) полагают, что украинская ментальность больше тяготеет к восточно-европейской культуре с присущими ей ценностями коллективизма, взаимоподдержки и пр. Примерно столько же экспертов (23,6%) думают совершенно иначе, считая, что она больше тяготеет к за-

---

* Речь идет об опросе, проведенном отделом экономической социологии ИС НАНУ в 2005 году в рамках плановой научно-исследовательской темы “Исследование экономической культуры современного украинского общества”. В соответствии с квотной выборкой было опрошено 623 эксперта из 11 областей Украины (Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Закарпатской, Кировоградской, Луганской, Львовской, Одесской, Ровенской, Хмельницкой, Черновицкой) и г.Киева, репрезентирующих основные ее регионы. Опрошенные эксперты распределялись по шести категориям: руководитель в государственном и частном секторах экономики, госслужащий центрального и регионального уровней, научный работник в области экономики (экономической социологии) или журналист, преподаватель высшего учебного заведения с научной степенью доктора или кандидата экономических, социологических или юридических наук.

падноевропейской культуре с характерными для нее индивидуализмом и рациональностью. Большая же часть опрошенных (45,3%) оценивают украинскую ментальность как результат напряженного столкновения обоих указанных культур. Самооценки украинских граждан несколько отличаются от мнения экспертов. Так, по данным всеукраинского опроса “Общественное мнение в Украине – 2007”, проведенного ИС НАН Украины совместно с Центром социальных и политических исследований “СОЦИС” (N=1800), 46,5% жителей Украины считают, что их традициям, ценностям и нормам поведения наиболее близки традиции, ценности и нормы восточнославянских стран (из которых 20,6% выбрали однозначно твердый ответ “восточнославянских стран”, а 25,9% – более мягкую альтернативу – “скорее восточнославянских стран, чем стран Западной Европы”). Пятая часть (19,5%) населения указала на близость собственных ценностей и норм западноевропейским. При этом 11,1% граждан при ответе на вопрос “Скажите, пожалуйста, традиции, ценности и нормы поведения граждан каких стран наиболее близки к Вашим?” выбрали вариант “стран Западной Европы”, а 8,4% – вариант “скорее стран Западной Европы, чем восточнославянских”. Каждый третий опрошенный (33,1%) не смог ответить на этот вопрос. Полученные данные не позволяют однозначно судить о характере нормативно-ценностного ядра украинской культуры. Твердо можно утверждать лишь следующее: во-первых, в украинском национальном характере явно перемешаны западные и восточные элементы; и во-вторых, понимание соотношения между ними отличается у более образованных слоев общества (о чем свидетельствуют ответы экспертов) и простого народа. В целом же анализ ментальности украинского этноса требует, помимо историографического подхода, проведения комплексных эмпирических исследований, учитывающих как многогранность изучаемого предмета, так и специфику его понимания различными социальными науками.

Литература

1. Крымский С.Б. Культурные архетипы, или Знание до познания / С.Б.Крымский // Природа. – 1991. – №11. – С. 70–75.
2. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / П.А.Сорокин // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 463–489.
3. Феномен нації: основи життєдіяльності / за ред. Б.В.Попова. – К. : Знання, 1998. – 262 с.
4. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры / Э.Ю.Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 430 с.
5. Баран В. Проблемы происхождения украинского народа / В.Баран // Україна, українці, українознавство у ХХ столітті в джерелах і документах: зб. наук. праць. – Ч.1. – К.: НВЦ “Наша культура і наука”, 1999. – С. 19–25.
6. Грушевський М. Виїмки з джерел до історії України-Руси. До половини ХІ віка / М.Грушевський. – Львів, 1895. – 123 с.
7. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа / М.С.Грушевский. – К. : Лыбидь, 1990. – 400 с.
8. Липа Ю. Призначення України / Ю.Липа. – Л.: Про-світа, 1992. – 270 с.
9. Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии // Гоголь Н.В. Собр. соч. – М. : Худож. лит., 1978. – Т. VI. – С. 53–62.
10. Сикорский И.А. Русские и украинцы / И.А.Сикорский. – К., 1913. – 56 с.
11. Анучин Д.Н. Малороссы / Д.Н.Анучин // Энциклопедический словарь. – Т. 18. – издат. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. – С.-Пб., 1896. – С. 484–485.
12. Лосский Н.О. Характер русского народа. Диалог времен и народов. Фрагмент из книги / Н.О.Лосский // Старченко Н.Н. Мир, интуиция и человек в философии Н.О.Лосского. – М. : Знание, 1991. – С. 35–60.
13. Антонович В.Б. Погляди українофілів / Антонович В.Б. // Моя сповідь. – К. : Либідь, 1995. – С. 143–153.
14. Антонович В.Б. Три національні типи народні // Антонович В.Б. Моя сповідь. – К. : Либідь, 1995. – С. 90–101.
15. Костомаров Н.И. Две русские народности / Н.И.Костомаров. – К.-Х.: Майдан, 1991. – 72 с.

16. Руднев Я.И. Наши народы. Малороссы / Я.И.Руднев. – С.-Пб., 1907. – 74 с.
17. Красильников Ф.С. Малороссия и малорусы / Ф.С.Красильников. – М., 1904. – 56 с.
18. Русины. Чтение для народа / Сост. Ф.Ф.Пуцыкович. – С.-Пб. : Типография Вісочайшее утверж Товарищества “Общественная польза”, 1898. – 16 с.
19. Киричук О.В. Ментальність: сутність, функції, генеза / О.В.Киричук // Ментальність. Духовність. Саморозвиток особистості: Тези доповідей та матеріали міжнар. наук.-практ. конф., м. Луцьк. – 18–23 червня 1994 р. – I част. – К.–Луцьк, 1994. – С. 7–20.
20. Поліщук І. Ментальність українства: політичний аспект / І.Поліщук // Людина і політика. – 2001. – №1. – С. 86–92.
21. Из записок украинца (1862 г.). – К., 1873. – 44 с.
22. Гнатенко П.І. Український національний характер / П.І.Гнатенко. – К. : ДОК–К, 1997. – 114 с.
23. Франко І.Я. Децо про себе самого / І.Франко // Оповідання. – Х. : Рух, 1925. – Кн.2. – С. 269–279.
24. Базилевський В. Отруєння міфом. Відповідь опонентам / В.Базилевський // Дніпро. – 1998. – №11–12. – С. 107–134.
25. Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть / М.Грушевський. – К. : Т-во “Знання” України, 1991. – 240 с.
26. Ломацький М. Національна свідомість / М.Ломацький. – Лондон : Вид-во Спілки укр. молоді, 1952. – 63 с.
27. Енциклопедія етнокulturознавства. Понятійно-термінологічний інструментарій, концептуальні підходи. – Ч.1: Особа, нація, культура. – Книга перша “А–Є”. – К. : Друкарня Держ. академії керівних кадрів культури і мистецтв, 2001. – 227 с.
28. Григоріїв Н.Я. Українська національна вдача / Н.Я.Григоріїв. – Вінніпег : Вид. УВС в Канаді, 1941. – 60 с.
29. Гончаренко І. Основи українського національного виховання / І.Гончаренко. – Новий Ульм : Укр. вісті, 1959. – 123 с.
30. Пачковський В. Українці як народ / В.Пачковський. – Нью-Йорк, 1917. – 17 с.
31. Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні / Д.Чижевський. – 2-е вид. – Мюнхен, 1983. – 175 с.
32. Донченко О. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення) : монографія / О.Донченко, Ю.Романенко. – К. : Либідь, 2001. – 334 с.

33. Ятвецкая А.В. Исследование устойчивых и динамических структур в ментальности жителей Южного региона Украины / А.В.Ятвецкая // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць*. – Х. : Видав. центр Харківського нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна, 2004. – С. 416–419.

34. Гайдай Т.В. Теоретико-методологические основы исследования экономической ментальности: институциональный аспект / Т.В.Гайдай. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/295702/print.html>

35. Латов Ю.В. Проверим хофстедовой алгеброй украинскую гармонию! / Ю.В.Латов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/296268.html>

36. Мороз О. Час інтелекту: сукупний український розум / О.Мороз, Ю.Саєнко. – Л. : Видав. дім “Панорама”, 2002. – 96 с.

37. Мороз О.Г. Модерна нація: українець у часі і просторі / О.Г.Мороз. – Л. : Універсум, 2001. – 436 с.

38. Лисяк-Рудницький І. Україна між Сходом і Заходом / І.Лисяк-Рудницький // *Історія філософії України: хрестоматія*. – К. : Либідь, 1999. – С. 511–520.

39. Мірчук І. Світогляд українського народу (спроба характеристики) / І.Мірчук. – Прага, 1942.

40. Чижевський Д. Культурно-історичні епохи / Д.Чижевський. – Augsburg, 1978. – 16 с.

41. Пахомов Ю.Н. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Ю.Н.Пахомов, С.Б.Крымский, Ю.В.Павленко и др. – К. : Наук. думка, 2002. – 632 с.